

Социальная культура Белорусского Полесья в работах К. Мошиньского 1920-30-х гг. / И.В. Олюнина // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі*. Вып. 11 / *Ин-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі; навук. рэд. А.І. Лакотка*. – Мінск, 2011. – С. 441-447.

СОЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ В РАБОТАХ К. МОШИНЬСКОГО 1920-30-х гг.

И.В. Олюнина

В 1920-е годы изучение социальной культуры Белорусского Полесья польскими этнологами вышло на качественно новый уровень, что проявилось в создании новых институтов и кафедр, появлении нового поколения ученых, способствовавших обновлению науки – как в теории и методологии, так и в практических полевых исследованиях. В это время польским этнологом К. Мошиньским на основе достижений его предшественников была разработана новая концепция трехчастного деления культуры, которая позволяла ученым проводить поэтапное комплексное исследование. Этому способствовало также использование функционального метода, позволявшего исследовать механизмы действия и воспроизводства социальных структур, и таким образом восполнить существовавший ранее пробел в исследованиях социальной культуры.

Приоритетом в исследованиях Белорусского Полесья польскими этнологами 1920-30-х гг. была проблематика материальной и духовной культуры региона. Накопление материалов по изучению социальной культуры проходило в рамках данных исследований. Так, различные аспекты материальной культуры, эволюция их отдельных элементов с учетом их социального значения освещены в статьях «Из летнего путешествия по Полесью» Р. Даныш-Флешаровой [1], «Сохи, рала и плуги в Польше» Э. Франковского [2], «Из Полесья» К. Завистович [3]. Б. Заборский, один из студентов географического факультета Варшавского университета изучал особенности и специфику планировки полесской деревни. В заметке 1925 г. «Типы деревень восточного Полесья» Б. Заборский исследовал причины планировки с применением географического метода и объяснил типы

застройки и планирования улиц с учетом специфики семейных отношений в данном регионе [4, с.131]. В работах «Из молодого осадничества на Полесье» З. Пацевичовой [5] и «Белорусы» Я. Кобыляка [6] исследуются особенности социальной структуры полесского региона.

В 1920-е гг. стало очевидно, что исследования, проводимые в рамках какого-либо одного метода, приводят к односторонним выводам и дают результаты, применимые лишь к узкой области. И для эволюционизма, и для диффузионизма, и для функционализма, отдельно взятых, была характерна некоторая узость и ограниченность в применении к проведению исследований [7, с. 159]. Необходимо было искать путь соединения, междисциплинарного взаимодействия, сочетания достижений разных методов. По такому пути пошел выдающийся польский этнолог К. Мошиньский уже в своих исследованиях 1920-х гг. Следует отметить высокий уровень теоретических обобщений, сделанных К. Мошиньским на основе обширного фактического материала, накопленного ученым во время многочисленных экспедиций на Полесье, начиная с 1914 г. Еще будучи начинающим этнографом, К. Мошиньский познакомился с Чеславом Петкевичем, рассказы которого о красоте и своеобразии культуры полесского края вдохновили молодого ученого на проведение исследований. Готовясь к ним, он ознакомился с работами этнографов А. Киркора, Н. Харузина, Н. Янчука, Д. Булгаковского, Н. Никифоровского и др.

Летом 1914 г. началась экспедиция на территории Речицкого и Мозырьского поветов. На протяжении двух недель К. Мошиньский систематически собирал материалы в деревнях Дерешевичи в районе Припяти и Дьяковичи у Князь-озера, затем в Славковичах, на пограничье Мозырьского и Бобруйского Полесья, совершая пешие и конные прогулки и в другие деревни [8, с. IV]. Однако в связи с началом Первой мировой войны жандармами района стали проводиться проверки, поведение К. Мошиньского вызвало подозрение, и после предупреждения под угрозой ареста ученый вынужден был покинуть район исследований. Обработка материалов и их

публикация затянулись на десятилетия, как в связи с проведением других экспедиций, так и с материальными проблемами. Материалы, собранные во время первой полесской экспедиции, стали впоследствии важной составляющей почти всех крупных работ К. Мошиньского.

В ряде статей 1920-х гг., также опубликованных в журнале «Земля», К. Мошиньский особо подчеркивал уникальность полесского региона, которую отмечали также и другие исследователи [9, с. 16]. Причем многие аспекты традиционной культуры Белорусского Полесья показаны в комплексе с другими характеристиками. Так, небольшая статья «Выпаливание целины» посвящена особенностям освоения на Полесье новых земель [10]. В статье «Регионализм в отношении к этнографии» рассмотрены виды сельскохозяйственных орудий, приведены их рисунки, отмечена важность проведения такого рода региональных исследований [11, с.14]. Методика картографирования приведена К. Мошиньским в статье «Некоторые результаты этнографических исследований Польши» и др. [12]. В статье 1927 г. ученый настаивал на особом внимании этнологов именно к исследованию Белорусского Полесья [13, с.163]. Публикации, вышедшие в периодическом издании «Славянский народ» свидетельствуют о высоком уровне профессиональной подготовки польского этнолога. К. Мошиньский использовал здесь способ рассылки опросников, от которого позже отказался [14, с. В86]

Дальнейшие экспедиции были проведены К. Мошиньским уже в начале 1920-х гг. Известно, что в 1922 г. он недолго работал в Лунинецком повете, а в 1924-25 гг. провел несколько экспедиций в район Дрогичина, Коссово и Лунина (деревни Денисковичи, Спорово, Заямное, Стениевичи и др.) Во время этих экспедиций основное внимание было посвящено изучению материальной культуры жителей Полесья. Сбор материала К. Мошиньский осуществлял систематически, по собственному плану. При использовании метода прямого наблюдения ученый делал заметки, зарисовки, фиксировал весь доступный материал. При использовании метода

опроса К. Мошинский пользовался несколькими вариантами разработанных им самим опросников.

Основным направлением движения исследований К. Мошинского было изучение на первом этапе особенностей материальной культуры региона, затем – духовной, и после этого – социальной. В одном из опросников по духовной культуре К. Мошинский отмечал основные принципы своего исследования: респондентами должны были быть местные люди пожилого возраста (все данные - имя, фамилия, возраст, полное название деревни, повета и гмины, особенности респондента, его поведение во время беседы и т. п. - вносились затем в дневник); следовало подчеркнуть, что речь идет о давних, а не бытующих сегодня обычаях; необходимо было записывать объяснения неизвестных терминов и т. д. [15, с. 1]

Собирая материал, посвященный вопросам духовной культуры полешуков, К. Мошинский обращал внимание на вопросы, связанные с исследованием социальной структуры. Так, ученый интересовался, как оберегали новорожденных от сглаза, как следовало вести себя молодой матери в людных местах, как следовало вести себя молодым, пожилым, что считалось грехом, какие недостатки и пороки свойственны полешукам, каковы взаимоотношения между родственниками и т. д. [15, с. 10-27]

К. Мошинский также принимал участие в серии автоэкспедиций «Орбис» (с 1926 по 1929 гг.), организованных профессором географии Ягеллонского университета в Кракове Людомиром Савицким. Материалы, которые были собраны по разработанной схеме, вместе с огромным количеством рисунков и фотоснимков, как им самим, так и его учениками и коллегами (Ю. Обрембским, Х. Вакарельским, Х. Кодовым и др.) были использованы затем в работе над монографиями «Народная культура славян» и «Человек», работу над которыми К. Мошинский начал еще в 1920-е гг. [16, с.9]. В экспедиции 1926 г. (продолжалась около полутора месяцев) К. Мошинский посетил Кобрин, Пинск, Столин, Новогрудок, Ружаны и многие другие местечки и деревни Белорусского Полесья [17, с. 127-171]

Материал, посвященный вопросам социальной культуры полесского региона, по объему незначителен (в сравнении с обширным материалом по материальной и духовной культуре). В основном выписки и заметки К. Мошиньского связаны с исследованиями двух первых типов, их практически невозможно вычлениить в самостоятельный блок, что обусловлено особенностями исследовательского процесса ученого. Именно в связи с тем, что первой в очереди была материальная культура, затем – духовная, на проблематику социальной культуры часто не хватало времени, либо она оказывалась вплетена в описание духовной культуры.

Работы К. Мошиньского 1930-х гг. также отличаются разнообразием тематики. На страницах журнала «Славянский народ» К. Мошиньский активно полемизировал с А. Фишером и Я. Чекановским. Ученый акцентировал внимание коллег на необходимости верификации собранного материала, о недоверии к непроверенным фактам. В качестве примера он приводит работу О. Кольберга, которому, как считал К. Мошиньский, «можно верить только там, где он говорит от себя» [18, с. В 260].

На протяжении 1930-32 гг. К. Мошиньский организовал еще несколько экспедиций на Полесье совместно с польскими и украинскими коллегами. Необходимо отметить, что К. Мошиньский постоянно находился в контакте с учеными-этнологами соседних стран: следил за выпуском «Этнографического обозрения», состоял в переписке с Д. Зелениным, изучал работы белорусских коллег: И. Сербова, А. Сержпутовского, Е. Романова и мн. др. Летом 1932 г. вместе с украинским музыковедом-фольклористом Ф. М. Колесса на протяжении двух недель в Столинском повете он собирал материал по музыкальному наследию полешуков. По результатам экспедиции были изданы две статьи, посвященные отчету о ее ходе и анализу особенностей музыкального материала. Было собрано 228 текстов (включая фрагменты), на фонографе записана 81 мелодия (59 вокальных и 22 инструментальных). Как отмечал К. Мошиньский, такая коллекция – это «первое приобретение полесской мелографии» [19, с. В71].

К. Мошинский писал о том, что территория Белорусского Полесья представляет собой наименее изученный (и с точки зрения исследования народной музыки) славянский край, и что только теперь есть возможность открыть научной среде мало известную даже там духовную культуру белорусов, сохранившую много архаичных элементов, родственных и другим славянским народам. Совместно со своим учеником М. Петюкевичем в это же время К. Мошинский собирал материалы для «Атласа народной культуры Польши», которые частично вошли также во второй том «Народной культуры славян», посвященный особенностям духовной и социальной культуры белорусов. Работая с этими материалами, К. Мошинский одним из первых польских этнологов впервые применил картографический метод в исследовании духовной культуры. [20, с.70]

Всесторонность исследований К. Мошинского сделала возможным рассмотрение главного объекта исследований – человека – в самых различных плоскостях. Особенность исследований этого ученого, отличающие его от других этнологов указанного периода состоит в том, что он видел явления культуры с перспективы социального развития. Кроме того, К. Мошинский всегда был открыт для исследования новых теорий, не замыкаясь только в рамках строго следования какому-то одному канону. Все свои гипотезы, теории и концепции он выдвигал с позиций историка, этнографа, археолога, лингвиста, антрополога и природоведа на основании конкретного фактического материала [21, с.12].

Используя междисциплинарные связи, методы разных наук, ученый в своих исследованиях подготовил появление новой отрасли этнологии – этносоциологии. Специфика работ К. Мошинского состоит в том, что видя в центре своих исследований культуру и человека как творца этой культуры, он использовал в работе комплекс материалов самого разного характера: археологические источники, сведения по топонимике, ономастике, данные из литературы, факты, установленные в результате собственных исследований. Ученый опирался на проверенные им самим факты, избегал слишком

широких обобщений и неточностей в приведении источников. При этом К. Мошиньский не довольствовался каким-либо одним подходом или методом. Являясь сторонником эволюционного подхода, он все же не называл себя эволюционистом, но считал, что ни диффузия, ни функция также не могут быть достаточным и единственным объяснением развития культуры. Тем не менее, ученый проявлял интерес к функционализму, уважение к Б. Малиновскому и его работам, и применял отдельные позиции функционального метода в описании социальной культуры [22, с.37]. Как отмечал сам К. Мошиньский, одной из наиважнейших заслуг Б. Малиновского (а его метод, как и структурный функционализм А. Р. Радклиффа-Брауна ученый полагал одним из вариантов социологического метода) являлось то, что Б. Малиновский первым акцентировал важность исследований функций всех культурных явлений в рамках каждой данной культуры [23, с. 83].

Функциональный метод имел большую социальную направленность в сравнении с другими этнологическими методами. Это обусловило более тесное взаимодействие ученого-этнолога как в полевых условиях, так и в научных коллективах. Этнологическая работа стала более интенсивной, а ее результаты – более эффективными. Повысилась и личная ответственность ученых, не позволявшая им строить и исследования на непроверенных фактах, поскольку результаты исследований вносили коррективы в социальную жизнь колониальных обществ. Предметом исследования этнологи выбирали простые в структурном отношении культуры, что позволяло рассматривать всю систему социальных институтов в процессе их функционирования. Эти идеи оказали влияние на развитие польской этнологии в 1920-е гг., что проявилось прежде всего в работах К. Мошиньского.

К. Мошиньский стал первым польским этнологом, применившим новые методы – в первую очередь функциональный – в своих систематических полевых исследованиях на Белорусском Полесье с 1914 по

1928 г. Это проявилось прежде всего в применении конкретного функционального анализа, который был разработан Б. Малиновским. В центре внимания ученого находилось только одно явление либо институт, основная задача состояла в детальном описании всех доступных наблюдателю форм и проявлений. В полевых исследованиях К. Мошиньский активно использовал прием описания различных сфер деятельности, подмеченных событий и процессов, отдельных их фрагментов и этапов, свидетелем которых он являлся. В дальнейшем, делая теоретические обобщения, ученый использовал метод сравнительного анализа, который помогал проводить параллели с процессами, происходившими в других регионах. К. Мошиньский применял сравнительный анализ в сочетании с лингвистическим и географическим методами – определяя свой подход как «критический эволюционизм»

К. Мошиньский, начав с разработки проблематики материальной культуры, последовательно переходил (следуя разработанным по собственной методике опросникам) к вопросам духовной культуры, накапливая при этом материал и по социальной культуре. Однако в полной мере разработать данную тематику, провести ее научный анализ К. Мошиньскому не удалось, он смог лишь приступить к исследованию социальной культуры, собрав обширный материал, хранящийся ныне в фондах архива Ягеллонского Университета в г. Кракове. Созданная К. Мошиньским в 1920-30-е гг. теория «систематики культуры», учет достижений различных этнологических методов, готовность к изучению новых теорий позволили ученому подготовить появление собственной школы и заложить основы дальнейших исследований социальной культуры Белорусского Полесья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Danysz–Fleszarowa, R. Z letniej włóczęgi po Polesiu / R. Danysz–Fleszarowa // *Ziemia*. – 1927. – R. XII. – № 20. – S. 422–426.
2. Frankowski, E. Sochy, radła, płużyce i pługi w Polsce / E. Frankowski // *Ziemia*. – 1929. – R. XIV. – S. 429–435.
3. Zawistowicz, K. Z Polesia (Wrażenia z wycieczki zakładu arch. przedh. Uniw. Warsz.) / K. Zawistowicz // *Ziemia*. – 1927. – R. XII. – № 23. – S. 471–476.
4. Zaborski, B. Typy wsi wschodniego Polesia / B. Zaborski // *Ziemia*. – 1925. – R. X. – № 6–7. – S. 131–132.
5. Pacewiczowa, Z. Z młodego osadnictwa na Polesiu / Z. Pacewiczowa // *Ziemia*. – 1928. – R. XIII. – № 5. – S. 68–71.
6. Korybutiak, J. Białorusini / J. Korybutiak // *Orli Lot*. – R. 7, nr. 5. – 1926. – S.85-86.
7. Sokolewicz, Z. Szkoły i kierunki w etnografii polskiej (do 1939 r.) / Z. Sokolewicz / *Historia etnografii polskiej* / W. Armon [et al.]; pod red. M. Terleckiej. – Wrocław- Warszawa -Kraków-Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich: PAN, 1973. – S.115-167.
8. Moszynski, K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego / K. Moszynski. – Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. – 328 s.
9. Poniatowski, J. Polesie w gospodarczej strukturze Polski / J. Poniatowski. – Wilno: odbitka “Włóczęgi”, 1934. – 16 s.
10. Moszynski, K. Wypalanie nowin / K. Moszynski // *Ziemia*. – 1925. – R. X. – № 6–7. – S. 132–133.
11. Moszynski, K. Regionalizm wobec etnografji / K. Moszynski // *Ziemia*. – 1925. – R. X. – № 1. – S. 132–133.
12. Moszynski, K. Niektóre wyniki etnograficznych badań Polski / K. Moszynski // *Ziemia*. – 1925. – R. X. – № 3. – S. 40–45.
13. Moszynski, K. Lud Poski w doreczu Wisły / K. Moszynski // *Ziemia*. – 1927. – T. XII. – S. 163–169.
14. Moszynski, K. Zwyczaje świętojańskie na zachodnim Polesiu / K. Moszynski // *Lud Słowiański*. – 1929-30. – T.1. – S. B76-B88.
15. Moszynski, K. Kwestionariusz do kultury duchowej / K. Moszynski. – Kraków: Archiwum Instytutu Etnologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1927. – 27s.
16. Moszynski, K. Kultura ludowa słowian. Cz. II. Kultura duchowa. Zeszyt 2 / K. Moszynski. – Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. – S.732-1642.
17. Moszynski, K. Ethnogeographische Studien in Ostpolen / K. Moszynski // *A Journey through the Eastern Provinces of Poland in the Year of 1926*. – Kraków, 1929. – S.127-171.

18. Moszynski, K. Nieco uwag krytycznych / K. Moszynski // Lud Słowiański. – 1931. – T.II. – S. B259-B275.
19. Moszynski, K. O badaniach muzyczno-etnograficznych na Polesiu w r.1932/ K. Moszynski // Lud słowiański. – T.3, z. 1. – Kraków, 1932. – S. B 69-B79.
20. Pieciukiewicz, M. Wkład Kazimierza Moszynskiego do badania kultury ludowej Białorusinów / M. Pieciukiewicz / Kazimierz Moszynski. Zycie i tworczość // Prace Komisji Etnograficznej. Red. tomu J. Klimaszewska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN,1976. – S. 65–72.
21. Klimaszewska, J. Słowo wstępne od wydawcy / J. Klimaszewska / Moszynski, K. O sposobach badania kultury materialnej prasłowian. – Wrocław-Kraków-Warszawa: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1962. – S. 11-14.
22. Kutrzeba-Pojnarowa, A. Kazimierz Moszyński a Etnografia Polska / A. Kutrzeba-Pojnarowa / Kazimierz Moszynski. Zycie i tworczość // Prace Komisji Etnograficznej. Red. tomu J. Klimaszewska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: PAN, 1976. – S. 31–45.
23. Moszynski, K. Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii / K. Moszynski. – Wrocław – Kraków - Warszawa: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1958. – 854 s.